

С точки зрения Чернышевского, «сладострастие», т. е. стремление в настоящий момент к личным подвигам, — недостаток. Лизавете Антоновне, «выходящей за его приятеля», он хочет помочь «заметить и отбросить те недостатки, которые вкрались в ее привычки, в ее разговоры от полугода, проведенного ею вне семейного круга» (XII, 119).

Те, кто «играют» во французские магазины, постоянно, как дятлы, твердят (видимо, с этим связана фамилия Лизаветы Антоновны — Дятлова): «Maintenant», «Ментенан», «Maintenant», «Main тенан» (XII, 112), т. е., очевидно, требуют немедленных совместных действий «теперь» и «вместе», рассчитывая при этом на личный героизм, что неизбежно вело к террору.

— Мешают они, — сказал я.

— Нет, но мешают вы, — отвечала моя странная собеседница (XII, 125).

Чему же «они», т. е. та часть революционной молодежи, которая связана с «французскими магазинами» и учится в них «делу», мешают? По-видимому, как считает Чернышевский, успеху революции.

Молодежь — «белые» — за немедленные действия. Чернышевский с этим не согласен, и в стихах из «Коринфской невесты», относящихся к Лизавете Антоновне и уточняющих, к чему ведет ее «холодность» и «фанатизм», намекает, почему именно он против требований «белых», хотя они и готовы на жертвы и личный героизм:

Агнцы боле тут

Жертвой не падут.

Но людские жертвы без числа! (XII, 124, 690. Курсив наш. — Е. Г.)

То есть революция не подготовлена и преждевременна. Поэтому принять Лизавету Антоновну в «семейство» друга Чернышевского, если она не изменит своих убеждений, — опасно.

К такому выводу подводят также следующие рассуждения Чернышевского, из которых одновременно проясняется условное значение в революционном подполье слов «семья», «отцы», «дети».

«Я довольно долго не слушал, что эта вкрадчивая девушка распевала передо мною своим тихим голосом, довольно милым, — а не слышал потому, что занялся в своих мыслях рассмотрением вопроса: отец я ей, или нет?»

С одной стороны, представлялось очень неправдоподобно, что я ей отец. — Никогда я не был в законопреступной связи ни с какой женщиной — этот факт я знаю очень твердо... Итак, мое примерное благонравие, по-видимому, устраняло самую возможность вопроса. Если взглянуть на дело с другой стороны, — тоже неправдоподобно: ей лет 18, мне — 31 год; в 12 лет я был маленький мальчишка, — не становятся отцами в нашем климате такие мальчишки... Итак, свидетельством хронологии также отвергается вопрос. Есть третья сторона — и с третьей стороны тоже: я не чувствую ни тени родственного расположения к ней, — какой же я ей отец, когда седьмая вода на киселе мне ближе и роднее, чем Лизавета Антоновна, — не то, чтобы чувствовать влечение к ней, я чувствую, напротив, положительное нерасположение к ней» (XII, 103).

Итак, между автором — Чернышевским — и Лизаветой Антоновной нет «семейных» связей в прямом и переносном смысле этого слова. Но есть еще «четвертая сторона» — она «с другой стороны». «На этой... стороне, которая с другой стороны, представляется такая сцена. Теплая комната, очень большая: в ней сидят, ходят много людей, *в том числе мое семейство, и я тут же*. Отворяется дверь, входит человек и говорит: „Ах, как холодно на дворе! Я еще дрожу от холода“, — и точно, можно разобрать, что дрожит, *но не разберешь, мужчина или женщина и каких лет*, — потому что еще не рассвело, чуть заря поднимается».